ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 24.2.336.02,
созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации
ПО ДИССЕРТАЦИИ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

аттестационное дело №_____
решение диссертационного совета от 27.10. 2026 № 68

О присуждении Савиной Анне Владимировне, гражданке Российской Федерации, ученой степени доктора юридических наук

Диссертация Савиной Анны Владимировны на тему: «Пределы правового регулирования публичной финансовой деятельности» по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки принята к защите 23 июня 2026 г. (протокол заседания № 42) диссертационным советом 24.2.336.02, созданным на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (далее — Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (адрес: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1) на основании приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 года № 904/нк.

Соискатель Савина Анна Владимировна, «28» июня 1990 года рождения, в 2012 году с отличием окончила федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» по специальности «Юриспруденция» с присвоением

квалификации «Юрист» (диплом ОК № 85829 от 28.06.2012 г.). В период с 2012 по 2016 год обучалась в аспирантуре заочной формы обучения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» на кафедре финансового, банковского и таможенного права. 03 апреля 2019 года успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Дозволение как способ правового регулирования бюджетных отношений» (диплом КАН № 004404, Приказ Министерства науки и высшего образования РФ № 768/нк-25 от 31.07.2019 г.).

В 2023 году присвоено звание доцента по научной специальности «5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки» (Приказ Министерства науки и высшего образования РФ № 1451/ нк от 10.07.2023 г.).

В период с 20 марта 2023 г. по 20 марта 2026 г.– докторант кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

С 6 февраля 2017 года и по настоящее время соискатель работает в Институте права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». С 1 сентября 2019 года по 20 июня 2025 года занимала должность доцента кафедры гражданского права, с 21 июня 2025 года переведена на должность доцента кафедры конституционного и международного права.

Диссертация выполнена на кафедре финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Научный консультант – **Арзуманова Лана Львовна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Официальные оппоненты:

Миронова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»;

Разгильдиева Маргарита Бяшировна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»;

Рукавишникова Ирина Валерьевна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Ведущая организация федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», г. Москва, дала положительный отзыв на диссертацию. Отзыв ведущей организации подготовлен профессором кафедры финансового права, доктором юридических наук, доцентом Бит-Шабо Инессой Витальевной, подписан заведующим кафедрой финансового права кандидатом юридических наук, доцентом Цинделиани Имедой Анатольевичем, утвержден ректором федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» доктором юридических наук Тисен Ольгой Николаевной.

Ведущая организация отметила, что диссертационное исследование Савиной Анны Владимировны на тему «Пределы правового регулирования

публичной финансовой деятельности» соответствует паспорту научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, отвечает требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Также было отмечено, что диссертация Савиной Анны Владимировны является самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение крупной научной проблемы и на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области публично-правовых (государственно-правовых) наук, а ее автор – Савина Анна Владимировна – заслуживает присуждения ей ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Отмечая, что Савиной А.В. удалось создать содержательный научный труд, в котором теоретические положения о пределах правового регулирования органично соединены с анализом действующего финансового законодательства и практики его применения, а сама категория предела впервые раскрыта как системообразующий элемент теории публичной финансовой деятельности, ведущая организация обозначила ряд положений, которые носят дискуссионный характер и нуждаются в дополнительной аргументации:

1. Во-первых, в п. 8 положений, выносимых на защиту (с. 22), и в выводах по четвертому параграфу второй главы (с. 213) диссертант расширяет круг субъектов публичной финансовой деятельности за счет юридических лиц публичного права, «функционирующих на праве государственной или муниципальной собственности», однако признак функционирование на праве государственной или муниципальной собственности» не согласуется с примерами, которые приводит автор. Например, имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, в силу статьи 7.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» является

собственностью самой корпорации. Так, включенный в дефиницию признак либо исключает из числа субъектов публичной финансовой деятельности те организации, ради которых дефиниция расширялась, либо нуждается в иной формулировке, например, через указание на создание организации публично-правовым образованием и наделение ее публичными функциями и полномочиями в сфере формирования, распределения и использования фондов денежных средств. Хотелось бы услышать позицию диссертанта по этому вопросу в ходе защиты.

2. Во-вторых, в п. 10 положений, выносимых на защиту (с. 24—25), и в выводах по первому параграфу третьей главы (с. 263) диссертант обосновывает, что легальное определение казны представляет собой «фундаментальную основу, устанавливающую пределы сфер действия публичного и частного права», а формула «не закрепленное за государственными предприятиями и учреждениями» выступает критерием, отделяющим казну как объект финансово-правового регулирования от имущества, находящегося в самостоятельном обороте. Думается, что граница между вещно-правовым режимом казенного имущества и режимом имущества, закрепленного за предприятиями и учреждениями, не тождественна границе между публичным и частным правом. Кроме того, заключительный тезис о том, что управление имуществом казны «на иных правовых основаниях, таких как аренда, продажа» выводит соответствующие отношения из-под действия финансового права, не вполне согласуется с собственным анализом автора, из которого следует, что гражданско-правовая сделка с имуществом казны и финансово-правовое отношение по зачислению и учету полученных доходов сосуществуют, а предел финансово-правового регулирования проходит не по виду сделки, а по ее стадии: финансовое право регулирует не распоряжение имуществом, а движение денежных средств, полученных в результате такого распоряжения. Уточнение авторской позиции в этой части придало бы концепции пределов большую внутреннюю согласованность.

3. В-третьих, в п. 11 положений, выносимых на защиту (с. 25), а также на с. 280 и 307 диссертант предлагает дополнить статью 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации термином «неэффективное использование бюджетных средств». Стремление автора устранить декларативность принципа эффективности и обеспечить его санкцией заслуживает поддержки, однако само предложение нуждается в дополнительной проработке по трем направлениях.

Первое. Статья 34 БК РФ раскрывает принцип эффективности через два самостоятельных критерия — экономности и результативности, что диссертант верно воспроизводит на с. 274. Предложенная дефиниция охватывает лишь один из них — закупку по завышенной цене, оставляя за границами понятия недостижение заданного результата при полном освоении средств, приобретение неиспользуемого имущества, расходы, которых можно было избежать, то есть те случаи, которые сам автор перечисляет на с. 278 в качестве типичных проявлений неэффективности. Тем самым объем предлагаемого понятия оказывается уже объема принципа, к которому оно привязывается.

Второе. Признаки «существенная разница» и «экономическая целесообразность» носят оценочный характер и не снабжены количественными либо процедурными ориентирами.

Третье. С точки зрения структуры Бюджетного кодекса Российской Федерации статья 34 расположена в главе 5, закрепляющей принципы бюджетной системы, тогда как понятия бюджетных нарушений и применяемых за них бюджетных мер принуждения сосредоточены в части четвертой Кодекса (главы 29—30, статьи 306.1-306.8).

Хотелось бы, чтобы диссертант пояснил, каким образом предлагаемая норма должна быть встроена в систему бюджетных мер принуждения.

4. В-четвертых, в п. 14 положений, выносимых на защиту (с. 27), и на с. 397 диссертант определяет границы финансово-правового регулирования цифровой валюты, майнинга и криптобиржи, относя к их числу, в частности,

«налоговое регулирование отношений, связанных с цифровой валютой и ее майнингом в рамках экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций». Формулировка представляется неточной.

Налогово-правовое регулирование отношений в сфере цифровой валюты носит общий, а не экспериментальный характер, а пределы финансово-правового воздействия в этой сфере в действительности шире, чем указано в п. 14. Отмеченное обстоятельство не ослабляет, а, напротив, усиливает авторский тезис о тенденции к расширению публичной финансовой деятельности в сфере цифровых валют, однако редакция положения нуждается в уточнении.

В связи с тем же параграфом хотелось бы услышать аргументацию диссертанта относительно предложения (с. 397-398) дополнить Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» статьей 26.1 «Полномочия Правительства Российской Федерации в области цифровых валют».

5. В-пятых, в п. 15 положений, выносимых на защиту (с. 27-28), и на с. 414-417 обосновывается наличие пробела, состоящего в том, что «рамки правового регулирования инновационной деятельности не включают в себя признаки разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта», и предлагается дополнить часть 2 статьи 17 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» указанием на «деятельность, связанную с разработкой, внедрением или коммерциализацией технологий искусственного интеллекта». Существование пробела вызывает сомнения, поскольку определение инновационной деятельности, закрепленное в статье 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» и воспроизведенное самим автором на с. 414, уже сформулировано предельно широко. Вместе с тем, выделение одной технологии из ряда сквозных цифровых технологий (квантовые вычисления, робототехника, технологии распределенного реестра) ставит вопрос о критерии такого выделения и о рисках казуистичности

законодательного текста. Более перспективным, как представляется, было бы обоснование предложения на уровне подзаконного регулирования порядка предоставления субсидий либо через категорию приоритетных направлений научно-технологического развития.

6. В-шестых, хотелось бы обратить внимание диссертанта на редакцию п. 9 положений, выносимых на защиту (с. 23; см. также с. 223, 247), согласно которой первостепенная задача публичной финансовой деятельности состоит в придании правовой формы направлениям финансовой политики «в целях исполнения поручений Президента Российской Федерации, содержащихся в ежегодных Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации». Сведение целевой установки публичной финансовой деятельности к исполнению поручений, содержащихся в одном документе, представляется излишне узким: направления финансовой политики формируются также основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики, основными направлениями единой государственной денежно-кредитной политики, национальными проектами и государственными программами, и сам автор на с. 220-221 обращается к первым из них. Схожее уточнение уместно и в п. 9.1: самообложение граждан, приведенное как, пример отношений, свободных от принуждения, вводится по решению местного референдума (схода граждан), однако после принятия такого решения соответствующие платежи становятся обязательными для всех жителей муниципального образования (его части), поэтому признак «отсутствие принуждения» характеризует лишь стадию введения, но не стадию исполнения платежа.

На диссертацию поступили положительные отзывы официальных оппонентов.

Официальный оппонент, доктор юридических наук **Рукавишникова Ирина Валерьевна**, отметив оригинальность самостоятельного научного исследования, характеризующегося актуальностью рассматриваемой

проблематики, существенной теоретической новизной и значимой практической направленностью, в то же время отметила наличие в работе дискуссионных положений, требующих уточнения.

1. Во-первых, вывод № 1, предлагаемый к защите, содержит утверждение о наличии авторской концепции пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности. При этом концепция, по мнению автора, состоит из совокупности теоретических взглядов на изучаемую проблему. В этом же выводе в число элементов концепции предлагается включить: обоснованную значимость принципов финансового права, видовую характеристику функций публичной финансовой деятельности, аргументированные выводы о значимости категорий публичного интереса, обоснованную значимость финансовой политики, комплексную характеристику правового регулирования публичной финансовой деятельности.

Опираясь на общеупотребимое понятие категории «концепция», а также на структуру концепции как документа, сопровождающего, например, разработку нормативных правовых актов, предлагаемый автором подход не в полной мере, соответствует содержанию изучаемого явления. Концепция, как представляется, должна состоять не только из обобщения научных взглядов, идей и принципов (хотя это, безусловно, важная ее часть), но также должна четко формулировать цели, задачи, определить инструментарий и, главное, постулировать результат, к которому она стремится.

Авторский подход к формированию концепции пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности является важной и обоснованной заявкой на продолжение конкретизированной научной работы в этом направлении.

2. Во-вторых, соглашаясь в целом с подходом автора к выявлению содержательной множественности категории «предел» правового регулирования (в авторской интерпретации «триализм понятия «предел правового регулирования»), возникает вопрос о целесообразности введения

дополнительных правовых конструкций и объективаций, в частности, таких как «объем общественных отношений», «объем правового воздействия».

3. В-третьих, одним из ключевых вопросов для определения пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности является выработка сбалансированного подхода во взаимодействии частных и публичных интересов. Автор в работе неоднократно обращает внимание на данное обстоятельство, однако, не предлагает каких-либо конкретных критериев ограничения публичного влияния на общественные отношения, которые могут быть учтены, в том числе, в законотворческой деятельности. В связи с этим вывод № 6, предлагаемый к защите, нуждается в уточнении и дополнительной аргументации.

4. В-четвертых, вывод № 9, предлагаемый к защите, содержит определение финансовой политики, которое нуждается в уточнении. Автор предлагает рассматривать финансовую политику не как долгосрочный процесс осуществления последовательных действий, направленных па решение поставленных задач, а как «конечную цель управления финансами» и «конкретный результат воздействия на экономические процессы». Расстановка смысловых акцентов, позволит сделать выдвинутое предложение более точным и обоснованным.

5. В-пятых, к сожалению текст работы не свободен от опечаток, повторов, нарушения хронологической последовательности приведения научных цитат.

Официальный оппонент **Миронова Светлана Михайловна**, положительно оценив диссертационное исследование Савиной А.В. отметила ряд вопросов, требующих пояснений автора или вызывающих дискуссию.

1. При исследовании пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности основной акцент сделан преимущественно на федеральном уровне. К сожалению, в диссертации не исследуется региональная и муниципальная нормативно-правовая база, регулирующая финансовую деятельность в субъектах РФ и муниципальных образованиях. В

связи с этим в работе остаются недостаточно раскрытыми особенности проявления пределов на субфедеральном уровне, которые обусловлены действием принципов бюджетного федерализма, разграничением полномочий между разными уровнями власти. Возникает вопрос, в чем состоит специфика этих пределов? Являются ли они едиными для всех уровней публичной власти или имеют собственную конфигурацию, обусловленную различием задачи и объемом компетенции? Представляется, что без специального анализа особенностей пределов правового регулирования на региональном и муниципальном уровнях авторская концепция остается не в полной мере завершенной.

2. В диссертации обосновывается значимость категорий публичного и национального интереса для установления пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности (с. 17, 165-184 диссертации), при этом автор приходит к выводу, что публичный интерес является важнейшей частью национального интереса (с. 184). Однако данное соотношение раскрыто недостаточно полно и последовательно. В работе не проведено четкого разграничения содержания этих категорий применительно к финансово-правовому регулированию. На с. 178 диссертации автор пишет: «Реализация национальных интересов — поддержание и защита ценностей, определенных Конституцией РФ, сохранение баланса между интересами государства (политическими интересами), общества (социальными), бизнеса (экономическими) и отдельных лиц (частными)». То есть интересы государства приравниваются к политическим интересам, что вызывает вопрос и о соотношении публичного интереса и политического интереса. Возникает вопрос: в каких случаях для установления пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности законодатель должен руководствоваться публичным интересом, а в каких — национальным?

3. В выводах по параграфу 2 главы 3 (с. 306-307) автор предлагает разделять пределы правового регулирования бюджетной деятельности (ориентированные на процесс её осуществления и инструменты) и пределы

правового регулирования бюджетных отношений (связанные с результатами и ответственностью). Однако, бюджетные отношения возникают непосредственно в процессе бюджетной деятельности, и их пределы неразрывно связаны. В работе не показано, как это разграничение может использоваться в правотворческой и правоприменительной практике. Например, какие конкретно нормы Бюджетного кодекса РФ следует отнести к пределам бюджетной деятельности, а какие — к пределам бюджетных отношений? Каким образом это разграничение повлияет на квалификацию бюджетных нарушений, на определение ответственности участников бюджетного процесса, на разрешение судебных споров?

4. Положение 9.1 (с. 23 автореферата; с. 248 диссертации) вводит категорию «политика невмешательства» и определяет её как балансирующую меру в пределах правового регулирования публичной финансовой деятельности, заключающуюся в неиспользовании механизма принуждающего воздействия на финансовые правоотношения, характеризующиеся самостоятельностью и проявлением собственной воли участниками таких отношений. Категория выглядит недостаточно определённой. Публичная финансовая деятельность по своей природе предполагает активное правовое регулирование, поэтому такой термин может вводить в заблуждение. Даже отказываясь от принудительных мер, государство продолжает устанавливать правовые рамки, определять порядок, условия и последствия соответствующих действий. Автору стоило бы разграничить невмешательство как отсутствие регулирования и невмешательство как отказ от принудительных методов в рамках регулирования. Утверждение о «замене контроля наблюдением и мониторингом» также нуждается в уточнении. Наблюдение и мониторинг формы контрольной деятельности. Говорить о «замене контроля» не вполне корректно; скорее, меняются формы и методы контроля. Не раскрыто и то, как политика невмешательства соотносится с принципом законности и обязанностью государства обеспечивать финансовую безопасность. Не

показано, как она вписывается в общую систему целей и задач финансовой политики государства, ориентированной на максимальную мобилизацию финансовых ресурсов. Не противоречит ли она фискальным интересам государства?

5. В положении 11 (с. 23 автореферата; с. 280 диссертации) предлагается дополнить статью 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации термином «неэффективное использование бюджетных средств», под которым понимается «завышение объёма бюджетных средств, выделенных на приобретение товаров (работ, услуг) без экономической обоснованности и целесообразности при котором наблюдается существенная разница между фактической стоимостью товаров (работ, услуг) и потраченной суммой из бюджета на аналогичные товары (работы, услуги)». Как определяется «существенная разница»? Кто и на основании каких методик будет её устанавливать? Не приведёт ли это к субъективизму в правоприменении? Автору следовало бы предложить более формализованные критерии оценки неэффективности. Кроме того, следует отметить, что критерии, о которых идёт речь, уже выработаны в системе государственного финансового контроля, а именно Стандартом внешнего государственного аудита (контроля) СГА 104 «Аудит эффективности» (утверждён постановлением Коллегии Счётной палаты РФ от 9 февраля 2021 г. № 2ПК) предусмотрены базовые критерии, прямо нацеленные на выявление неэффективного использования ресурсов.

6. В положении 12 и в тексте параграфа 3 главы 3 (с. 333-342) автор разграничивает ограничения на осуществление налогового контроля (временные, процедурные меры, вводимые в связи с особыми обстоятельствами) и пределы правового регулирования налогового контроля (устойчивые рамки, устанавливаемые законодательством). Но на с. 335-336 в числе внешних пределов правового регулирования налогового контроля названы не только Налоговый кодекс РФ, но и нормативные правовые акты органов власти, принимаемые ввиду экономической или политической

необходимости, например, постановления Правительства РФ о приостановлении проверок. Такие акты носят временный характер и по логике самого автора являются ограничениями, а не пределами. Получается противоречие: если ограничения — это временные и процедурные меры (с. 341-342), то почему они отнесены к внешним пределам? На с. 341 автор прямо указывает, что «ограничения на осуществление налогового контроля и пределы правового регулирования налогового контроля являются двумя различными понятиями в праве», однако на с. 335-336 относит временные постановления Правительства РФ к внешним пределам, что с этим разграничением не согласуется. Автору следует чётче определить грань между пределами и ограничениями при осуществлении налогового контроля.

7. Публичная финансовая деятельность включает не только бюджетную, налоговую и контрольно-надзорную составляющие, но и управление государственным (муниципальным) долгом. В диссертации неоднократно упоминаются казна, долговые обязательства, однако самостоятельного анализа пределов правового регулирования долговых отношений нет. В главе 3 § 1 (с. 250-264) подробно исследуется казна, но на с. 255-256 лишь констатируется, что долговые обязательства РФ, её субъектов и муниципалитетов полностью и без условий обеспечиваются всем находящимся в собственности этих публично-правовых образований имуществом, составляющим соответствующую казну, и исполняются за счёт средств соответствующего бюджета, а казна выступает, в некотором роде, залогом, гарантией выполнения государством, его субъектами и муниципальными образованиями своих долговых обязательств. Эти упоминания носят иллюстративный характер и не сопровождаются анализом пределов правового регулирования долговых отношений. Между тем именно в сфере управления государственным (муниципальным) долгом особенно остро стоят вопросы соотношения публичных интересов и финансовой устойчивости, определения границ заимствований, пределов ответственности публично-правовых образований. Без рассмотрения этого направления

концепция пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности остаётся неполной.

Официальный оппонент **Разгильдиева Маргарита Бяшировна**, в целом положительно оценив работу, высказала замечания дискуссионного характера, нуждающиеся в дополнительной аргументации.

1. В положении 1, выносимом на защиту, автор указывает, что разработанная концепция пределов правового регулирования позволяет отграничивать «законное регулирование от деструктивного правового давления в сфере финансов и призвана способствовать инновационному развитию правового регулирования публичных финансов путем внедрения более гибких рамок в проведении финансовой политики для оперативного реагирования на глобальные вызовы современности» (С. 16). Таким образом автор обозначает целевой блок своей концепции, однако из текста диссертации недостаточно ясно, какое развитие финансово—правового регулирования можно отнести к инновационному, каковы его параметры, сводится ли оно к новым финансово-правовым инструментам или традиционные правовые средства должны получить большую гибкость. Кроме того, использование оценочной категории «гибкость» также снижает определенность восприятия предполагаемого позитивного результата: гибкость финансово-правового регулирования будет проявляться в его вариативности, расширении полномочий или, напротив, их ограничении в целях фиксации пределов финансово-правового регулирования.

В положении 4, выносимом на защиту (С. 19), автор указывает на то, что при постоянных функциях пределы финансово-правового регулирования носят устойчивый характер, а при временных они более гибкие, имеющие выражение в: скорости реагирования и упрощенном порядке принятия нормативно-правовых актов (например, в связи с коронавирусной инфекцией); ограниченном сроке действия (например, кредитные каникулы, моратории на проведение проверок, контрольно-надзорных мероприятий и др.); масштабе и интенсивности принимаемых мер. Означает ли это, что автор видит

инновационный характер развития финансово -правового регулирования в расширение тех правовых инструментов, применение которых связывает с чрезвычайными или иными неординарными обстоятельствами?

2. В положении 5.3, выносимом на защиту, постулируется, что предел правового регулирования представляет собой форму правового ограничения властных полномочии государства (муниципальных образований) в установлении юридических норм, нарушающих права граждан и общественные интересы способствующий предотвращению властного произвола и достижению социально полезных целей (С. 21). Во втором параграфе диссертации (а также в положении 3, выносимом на защиту) автор указывает, что «предел правового регулирования» предполагает сосуществование в нем следующих начал: 1) объем общественных отношений (предмет правового регулирования), на которые воздействует право; 2) границы должного и возможное поведения субъекта, воздействующего посредством правовых норм на участников общественных отношений; 3) объем правового воздействия, выражаемого посредством применения способов правового регулирования (обязываний, запретов, дозволений)» (С. 59).

Комплекс данных положений требует пояснений, поскольку не совсем ясен содержательный объем «пределов правового регулирования». Если он представляет собой ограничение властных полномочий, связанных с установлением «дефектных» юридических норм, то, следовательно, содержание этого понятия ограничено только нормотворческой функцией и ограничением властных полномочий субъектов, ее реализующих, т.е. субъектов, воздействующих «посредством правовых норм на участников общественных отношений».

Однако такой содержательный объем, как представляется, не соответствует самому термину — предел правового регулирования — поскольку правовое регулирование охватывает не только этап правотворчества, но и правоприменения, т.к. правовое регулирование

обеспечивает не только упорядочивание, но и охрану общественных отношений. Такой подход подразумевается во втором положении, выносимом на защиту, в котором указано, что пределы правового регулирования — это границы воздействия государства в лице органов власти посредством правовых норм на поведение как отдельных индивидов, так и общественные отношения в целом.

Кроме того, в девятом положении, выносимом на защиту, указано, что пределы правового регулирования публичной финансовой деятельности задают направления, инструменты и способы правового регулирования финансовых отношений (с. 23), т.е. здесь содержательный объем пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности расширен до финансово-правового регулирования в целом.

В этой связи требуется пояснение авторской позиции относительно различных проявлений пределов правового регулирования публичных финансов и их содержания.

3. Ключевое понятие разработанной автором концепции — предел правового регулирования — определено через различные категории: как форма правового ограничения властных полномочий государства (муниципальных образований) и как границы воздействия на поведение и общественные отношения, что представляется вполне взаимодополняющими характеристиками. Позиционируя постановку важной научной задачи по отграничению законного регулирования от деструктивного правового давления в сфере финансов (С. 16), автор стремился в рамках своего исследования к формированию соответствующих границ для воздействия со стороны уполномоченных властных субъектов. Наиболее очевидным инструментом выстраивания таких границ является ограничение властных полномочий, исходя из чего можно предположить, что ограничение властных полномочий является формой установления искомых границ и пределов, т.е. инструментом формирования пределов правового регулирования, а не наоборот. Рассмотренное же предела правового регулирования как формы

правового ограничения властных полномочий приводит к фактическому отождествлению данных понятий, поскольку оправданно все ограничения властных полномочий относить к пределам правового регулирования.

В этой связи требует уточнения вопрос об отличиях между пределами правового регулирования и правовым ограничением властных полномочий государства (муниципальных образовании) в рамках финансовых правоотношений.

4. В седьмом положении, выносимом на защиту, справедливо отмечается, что принципы права представляют собой форму проявления пределов правового регулирования в сфере публичных финансов (С. 22). Далее на стр. 23 указывается, что «цель финансовой политики определяет выбор правовых средств регулирования общественных отношений, устанавливая пределы правового регулирования публичной финансовой деятельности, которые задают направления, инструменты и способы регулирования финансовых отношений. Эти пределы обеспечивают сочетание целей финансовой политики, ориентированных на финансовый результат, и предотвращают произвол в выборе средств, способствуя устойчивому развитию экономики российского государства» (девятое положение, выносимое на защиту).

Из этих положений возможно заключить, что пределы правового регулирования определяются целями финансовой политики, с чем затруднительно согласиться, поскольку это, как минимум, делает данные пределы неустойчивыми и изменяемыми, что не соответствует логике их проявления в принципах права.

В этой связи требуется пояснение авторской позиции относительно степени устойчивости пределов правового регулирования публичных финансов, особенно в контексте связи пределов правового регулирования с ограничением властных полномочий в сфере финансовых правоотношений.

На автореферат поступило 5 положительных отзывов.

1. В отзыве профессора кафедры финансового права юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,

доктора юридических наук, доцента **Пауля Алексея Георгиевича** отмечены дискуссионные вопросы, которые нуждаются в уточнении позиции диссертанта:

1) Как следует из автореферата диссертации, целью работы является формирование целостной концепции пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности. В то же время из автореферата не до конца понятно, какими отраслями права, по мнению автора, регулируется публичная финансовая деятельность, исчерпывается ли ее регулирование финансовым правом или отдельные группы отношений в сфере публичной финансовой деятельности могут быть частично регламентированы также иными отраслями права. Соответственно, возникает вопрос, при определении границ правового регулирования публичной финансовой деятельности автором установлены исключительно финансово-правовые границы или также границы иной отраслевой принадлежности.

2) В положении 8, выносимом на защиту, диссертант делает вывод, что публичная финансовая деятельность осуществляется в том числе юридическими лицами, создаваемыми государством (муниципальным образованием), юридическими лицами публичного права, функционирующими на праве государственной или муниципальной собственности.

Здесь не до конца понятно, о каких юридических лицах идет речь. К юридическим лицам, имущество которых находится в государственной (муниципальной) собственности, относятся государственные (муниципальные) унитарные предприятия и государственные (муниципальные) учреждения. В то же время в состав юридических лиц, осуществляющих публичную финансовую деятельность, также включены государственные корпорации (компаний) и публично-правовые компании, имущество которых не находится в государственной (муниципальной) собственности.

В связи с этим необходимы пояснения, включает ли диссертант в состав субъектов, осуществляющих публичную финансовую деятельность, государственные корпорации, государственные компаний и публично-правовые компании.

2. В отзыве доктора юридических наук, председателя коллегии адвокатов города Москвы «Щекин и партнеры» **Щекина Дениса Михайловича** обращается внимание на дискуссионные вопросы, требующие пояснения диссертанта:

1) На стр. 14 автореферата автор использует понятие «деструктивного правового давления в сфере финансов». Это крайне интересное правовое понятие и в работе автора оно (на уровне автореферата) остается не раскрытым с точки зрения признаков. Между тем, наличие дефиниции «деструктивного правового давления в сфере финансов» обогатило бы категориальный аппарат науки финансового права. Возможно, автор раскрыл это понятие в самой диссертации.

2) В положении 6, выносимом на защиту (стр. 19 автореферата), автор отмечает, что «правовое регулирование финансовых отношений — это процесс возведения рамок для субъектов финансовых отношений с определением должного, допустимого и недопустимого поведения для них». По сути, добавляет автор, это границы, в которых действуют финансовые отношения, связанные с формированием, распределением и использованием публичных фондов денежные средств, а также финансовым контролем. Данное определение представляется спорным, поскольку предложенное автором определение с учетом «возведения рамок» подходит под понятие пределов правового регулирования, само же правовое регулирование — это воздействие на участников финансовых отношений, а не установление для них рамок. Публичные субъекты финансовых отношений действуют на основании разрешительного принципа правового регулирования, поэтому к ним тем более не применимо «возведение рамок», которое более уместно для дозволительного типа правового регулирования.

3) В положении 8, выносимом на защиту (стр. 20 автореферата) автор дает определение публичной финансовой деятельности, как «особого вида государственной и муниципальной деятельности, а также деятельности отдельных юридических лиц публичного права, осуществляемая соответствующими органами публичной власти, а также юридическими лицами, функционирующими на праве государственной или муниципальной собственности, связанная с формированием, распределением и использованием фондов денежных средств (финансовых ресурсов), а также публичные финансовым контролем, и направленная на решение стоящих перед государством (муниципальным образованием) задач». Это определение нуждается в уточнении. На стороне публичных (властных) субъектов публичной финансовой деятельности могут выступать не только перечисленные автором субъекты, но и юридические лица частного права, наделенные законом публичными (властными) полномочиями в области публичных финансов. Например, организация выполняет функции налогового агента и удерживает с зарплаты работника НДФЛ. В этом случае возникают публично-правовые финансовые отношения (налоговые), но нет юридических лиц, функционирующих на праве государственной или муниципальной собственности. Позиция автора нуждается в уточнении.

3. В отзыве ведущего научного сотрудника Центра перспективного финансового планирования, макроэкономического анализа и статистики финансов Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, доктора юридических наук **Пономаревой Карины Александровны** обозначен дискуссионный вопрос: каким образом должно осуществляться правовое регулирование финансовых отношений с учетом разработанной концепции о пределах правового регулирования в условиях цифровой экономики и с учетом роста автоматизированных решений в управлении публичными финансами?

4. В отзыве главного научного сотрудника отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства ФГНИУ «Институт

законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» доктора юридических наук, доцента **Рыбаковой Светланы Викторовны** отмечается, что дополнительного пояснения требует вопрос о подходах к критериям определения пределов, связанных с выбором перечисленных способов правового регулирования (обязываний, дозволений, запретов). Имеются ли в этом случае пределы правового регулирования? Если они существуют (должны существовать), то каковы они?

5. В отзыве профессора кафедры административного и финансового права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (ЮЗГУ), доктора юридических наук, профессора **Лагутина Игоря Борисовича** в качестве замечания отмечено, что исходя из содержания автореферата непонятно, как пределы правового регулирования публичной финансовой деятельности реализуются на региональном и муниципальном уровнях.

Выбор ведущей организации и официальных оппонентов обуславливается их соответствием требованиям, предъявляемым Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, широкой известностью в юридической науке, наличием у них соответствующих компетенций, публикаций в сфере диссертационного исследования, посвященных вопросам, близким к тематике диссертационного исследования А.В. Савиной.

Соискатель А.В. Савина имеет 58 опубликованных работ (общий объем составляет 45,77 п.л.), из них 24 статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ, 2 из которых опубликованы в изданиях, индексируемых в международной базе данных Web of Science.

Наиболее значимые научные работы по теме диссертации:

1. Савина, А.В. О приоритетных направлениях бюджетно-правовой политики в современной России / А.В. Савина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 3 (72). – С.120-124. – 0,3 п.л.

2. Савина, А.В. Дискуссия о справедливости и ее пределах в правовом регулировании отдельных групп финансовых отношений / А.В. Савина // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19. – № 1. – С. 114-118. – 0,6 п.л.

3. Савина, А.В. О роли конфискации в теории налогообложения / А.В. Савина // Налоги и налогообложение. – 2023. – № 1. – С. 47-53. – 0,5 п.л.

4. Савина, А.В. К вопросу правового предела в публичном праве / А.В. Савина // Правоприменение. – 2023. – Т.7. – № 3. – С. 25-33. – 0,97 п.л.

5. Савина, А.В. Экспериментальные правовые режимы в России: особенности финансово-правового регулирования / А.В. Савина // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 3 (219). – С. 113-116. – 0,5 п.л.

6. Савина, А.В. Правовое обеспечение экономической стабильности в Российской Федерации / А.В. Савина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 3 (219). – С. 106-108. – 0,4 п.л.

7. Савина, А.В. Пределы финансово-правового регулирования отдельных видов цифровых отношений / А.В. Савина // Пробелы в законодательстве. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 182-186. – 0,6 п.л. российском

8. Савина, А.В. Финансово-правовые аспекты антикризисного управления в России / А.В. Савина // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 7 (107). – С. 60-66. – 0,5 п.л.

9. Савина, А.В. Отдельные категории и особенности имущественных отношений в сфере публичной финансовой деятельности / А.В. Савина // Legal bulleten. – 2024. – Т.9. – № 1. – С. 42-51. – 0,8 п.л.

10. Савина, А.В. К вопросу разграничения предметов ведения и полномочий в сфере публичной финансовой деятельности / А.В. Савина // Вестник СГЮА. – 2024. – № 2 (157). – С. 227 – 233. – 0,4 п.л.

11. Савина, А.В. Риск-ориентированный подход и меры финансово-правового стимулирования в развитии технологии искусственного интеллекта в России / А.В. Савина // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – № 6. – С. 56-60. – 0,6 п.л.

12. Савина, А.В. Основы и пределы ценообразования и ценорегулирования в аспекте публичной финансовой деятельности в Российской Федерации / А.В. Савина // Публичное право сегодня. – 2025. – № 1 (23). – С. 88-99. – 0,8 п.л.

13. Савина, А.В. Перспективы применения искусственного интеллекта в финансово-правовой сфере / А.В. Савина // Правоприменение. – 2025. – Т. 9. – № 1. – С. 64-73. – 1,05 п.л.

14. Савина, А.В. Легализация майнинга и криптобиржи в России: риски и пределы правового регулирования / А.В. Савина // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 5. – С. 64-71. – 0,6 п.л.

15. Савина, А.В. Особенности и пределы правового регулирования искусственного интеллекта в финансово-правовой сфере / А.В. Савина // Финансовое право. – 2025. – № 4 – С. 9-12. – 0,4 п.л.

Все публикации соискателя полностью соответствуют теме диссертационного исследования и отражают его содержание.

Диссертационный совет отмечает **актуальность** темы исследования, обусловленную возрастающей ролью публичной финансовой деятельности в современных условиях и необходимостью совершенствования ее правового регулирования. Важное значение для избранной темы имеет тот факт, что стремительные темпы развития экономических отношений, цифровизация финансовой сферы, появление новых финансовых инструментов, иные социально-экономические явления и события современности ставят перед государством ряд новых масштабных задач, включая задачи по совершенствованию механизмов управления публичными финансами. Однако для эффективного управления публичной финансовой деятельностью необходимо осмысление предназначения и социальной ценности права как социального регулятора.

В связи с этим особое значение приобретает вопрос о пределах правового регулирования публичной финансовой деятельности: что именно должно

регулироваться правом, каковы границы такого регулирования и чем они должны определяться.

Диссертационный совет подтверждает научную новизну исследования, которая заключается в разработке авторской концепции пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности. Впервые на комплексном уровне раскрыты содержание и значение пределов такого регулирования, разграничены смежные правовые категории и обоснована роль пределов в определении границ допустимого вмешательства государства в финансовую сферу.

Диссертационный совет отмечает, что новизна исследования раскрывается в следующих положениях:

– разработана концепция пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности и выделены ее элементы;

– осмыслены историко-конституционные основы формирования пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности;

– определено значение категории «интерес» для установления правовых пределов в публичной финансовой деятельности;

– исследованы теоретические и практические основы содержания понятия «публичная финансовая деятельность» и ее субъектный состав;

– выявлены постоянные и временные функции публичной финансовой деятельности;

– определены категории финансовой политики и политики невмешательства в аспекте пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности;

– выявлены особенности проявления пределов правового регулирования в финансовом (в частности, налоговом) контроле как направлении публичной финансовой деятельности;

– обосновано, что цифровые технологии выступают движущей силой, оказывающей влияние на публичные финансы, что способствует возникновению новой сущности публичной финансовой деятельности,

включающей два взаимосвязанных компонента: материальный и организационный;

– доказано, что правовое регулирование цифровой валюты, майнинга, криптобиржи подпадает под финансово-правовое регулирование, но в ограниченных рамках: регулирование национальной цифровой валюты (цифрового рубля) и связанных с ней операций (эмиссия, обращение); налоговое регулирование отношений, связанных с цифровой валютой и ее майнингом в рамках экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций; во внешнеэкономических сделках (в случаях применения цифровой валюты в качестве средства расчета или платежа);

– предложены и обоснованы изменения в законодательство, в частности в Бюджетный кодекс РФ, Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства» и др.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что соискателем:

– сформулированы и аргументированы новые для науки финансового права положения, введены в научный оборот новые понятия в сфере публичной финансовой деятельности;

– разграничены понятий «предел в праве» и «предел правового регулирования»;

– соотнесены категории предела правового регулирования с рядом смежных категорий: определенность, неопределенность, свобода, справедливость, ограничение;

– сформулированы признаки понятия «предел правового регулирования» и аргументирован триализм данного понятия;

– определено значение принципов права и доказано, что конституционные принципы и принципы финансового права являются ключевым инструментом установления пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности, определяя допустимые границы вмешательства государства;

– сформулированы авторские дефиниции «правовое регулирование финансовых отношений», «публичная финансовая деятельность», «пределы свободы в сфере публичной финансовой деятельности», «политика невмешательства», «неэффективное использование бюджетных средств», «пределы межбюджетного регулирования»;

– установлены особенности пределов правового регулирования отдельных направлений публичной финансовой деятельности;

– обозначены особенности влияния цифровизации на публичную финансовую деятельность;

– раскрыта специфика пределов правового регулирования цифровой валюты и цифровых финансовых активов как объекта публичной финансовой деятельности;

– обозначены пределы правового регулирования искусственного интеллекта в финансово-правовой сфере.

Кроме того, теоретическая значимость исследования заключается в том, что разработанная концепция пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности развивает теорию публичной финансовой деятельности как предмета современного финансового права, может служить основой для дальнейших доктринальных исследований в данной сфере, а также способствовать выявлению и анализу пределов правового регулирования отдельных направлений публичной финансовой деятельности.

Практическое значение полученных соискателем результатов подтверждается тем, что сформулированные автором положения, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут быть использованы при дальнейшем комплексном и системном исследовании теоретических проблем общей теории права, финансового права, иных отраслевых наук, а также при изучении курсов «Финансовое право», «Налоговое право», подготовке учебных программ и учебно-методической литературы. Результаты диссертационного исследования, выводы и предложения могут быть приняты во внимание в законодательной и правоприменительной

деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Определенное значение результаты диссертационного исследования могут иметь в сфере российского правосудия.

Оценка **достоверности результатов исследования** выявила, что в работе использован комплекс научных методов познания, соответствующих предмету, целям и задачам исследования, способствующих аргументации полученных выводов, и их апробацией в научной и практической деятельности автора. Среди использованных в работе методов научного познания особо усматривается применение историко-правового, лингвистического, логического методов, а также метода системного анализа предмета исследования, что позволило последовательно и аргументировано изложить в работе полученные научные результаты.

Проведенное исследование базируется на широком круге научных и нормативных источников в области финансового права, конституционного права, теории государства и права, экономики, истории экономических учений, философии.

Эмпирическую базу исследования составили правовые акты различных судов судебной системы Российской Федерации, позиции судов в аспектах реализации нормативных актов, устанавливающих пределы правового регулирования публичной финансовой деятельности, статистические данные.

Диссертационный совет отмечает, что **апробация и внедрение результатов исследования** нашли отражение в научных статьях, опубликованных в научных журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также в иных российских и зарубежных журналах, монографиях, тематических сборниках, материалах научных конференций, форумов и круглых столов, учебно-методических пособиях. Теоретические положения и выводы диссертации использованы при подготовке учебных программ и методических материалов, в процессе чтения лекций и проведения семинаров по

финансовому и налоговому праву в Институте права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Личный вклад соискателя состоит в самостоятельном получении результатов исследования, обладающих научной новизной и имеющих высокую теоретическую и практическую значимость. Автором лично разработаны содержащиеся в диссертации теоретические положения, выявлены актуальные проблемы развития публичной финансовой деятельности и пределов ее правового регулирования, сделаны соответствующие научные выводы и предложения по изменению российского законодательства. Автором лично подготовлены научные статьи, содержащие основные выводы исследования.

В ходе защиты были высказаны следующие критические замечания и заданы вопросы:

1. **Васильева Т.А.:** «Анна Владимировна, спасибо за ваш содержательный доклад. У меня такой вопрос. Вы говорите не только о правовых, но и этических аспектах в данной сфере, о нравственных пределах и т.д. Что вы имеете в виду? Вы имеете в виду, что этические нормы преобразуются в конституционные принципы и таким образом они вводятся в эту сферу? Или как эти этические аспекты в вашем понимании работают?».

2. **Минбалеев А.В.:** «Уважаемая Анна Владимировна, вы в рамках своего выступления и у вас положение № 13, выносимое на защиту, говорите об исследовании аспекта, связанном с использованием цифровых технологий в рамках публичной финансовой деятельности. В своем выступлении и в положении № 13 вы говорите о том, что возникает новая сущность публичной финансовой деятельности. С точки зрения содержания я понял, а вот с точки зрения сущности. Сущность – это новый предмет публичной финансовой деятельности или что это такое? Хотелось бы услышать пояснение по этому поводу. То есть можем сказать, что это и предмет публичной финансовой

деятельности, и условия, факторы ее реализации и новые результаты. Правильно я понял?».

3. **Кучеров И.И.:** «Уважаемая Анна Владимировна, в своем выступлении вы как-то увязали пределы рассматриваемого правового регулирования со справедливостью. Но справедливость такая категория зачастую субъективная с точки зрения оценки, что справедливо, что – нет. А вот применительно к публичной финансовой деятельности все-таки есть какие-то осязаемые критерии справедливости?».

4. **Отческая Т.И.:** «Анна Владимировна, я хотела бы спросить у вас. Я полностью соглашаюсь с тем, что вы написали на странице 7 вашего автореферата, подчеркивая, что публичная финансовая деятельность, отдельные ее элементы были исследованы в работах многих ученых, в том числе нашей кафедры. Вместе с тем вы говорите, что формирование теоретической концепции пределов правового регулирования финансовой деятельности, не являлось основной целью исследования перечисленных авторов. И поэтому вы подчеркиваете свой вклад в данную проблему своей диссертацией. Правильно я вас понимаю?».

Соискатель А.В. Савина развернуто ответила на заданные ей в ходе заседания вопросы, должным образом аргументировала свою позицию и ответы.

Диссертационный совет пришел к выводу, что диссертация А.В. Савиной представляет собой самостоятельную, завершенную научно-квалификационную работу и соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842.

На заседании 27 октября 2026 года диссертационный совет принял решение за разработку теоретических положений, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, присудить Савиной Анне Владимировне ученую степень доктора юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

При проведении тайного голосования с использованием информационно-коммуникационных технологий диссертационный совет в количестве 21 человека (16 - очно, 5 - дистанционно), из них 21 доктор наук по специальности рассматриваемой диссертации, участвовавшего в заседании, из 23 человек, входящих в состав совета, проголосовали: за -21, против -0.

Заключение подготовили:

Доктор юридических наук, профессор Н.М. Артемов

Доктор юридических наук, профессор Б.В. Россинский

Председатель
диссертационного совета,
д.ю.н., профессор О.В. Болтинова

Ученый секретарь
диссертационного совета,
д.ю.н., профессор Ю.К. Цареградская

27 октября 2026 года